

Стоп-кадр

Работая над книгой документальных очерков «Часы без стрелок», я раздобыл, наконец, свой фотоархив.

Чего тут только не оказалось! Заповедные уголки российской глубинки и экзотические пейзажи Курильских островов; хлопковые поля Узбекистана и суровые урманы тюменского Севера; дворцовые покои Марии Антуанетты и строительная площадка Конаковской ГРЭС; безвестные «переводники производства» и маститые писатели.

Решительно избавившись от случайных фотографий, оставшиеся разложил я по конвертам, снабдив, где это было возможно, адресами, именами, датами. Получилось некое подобие фототеки, в которой совершенно неожиданно обнаружилось, что самая большая пачка — снимки знаменитых москвичей. И тогда пришла мысль: а что, если предложить моей любимой «Вечерке» завести рубрику «СТОП-КАДР» и познакомить читателей с неизвестными им прежде фотографиями известных земляков?

С тем и пришел я в редакцию, где, как всегда, вопрос был решен без всяких проволочек.

Не сомневаюсь, что вы узнали его. Да, это — Константин Михайлович Симонов. Попыхивая неизменной своей трубкой, стоит он на горке, которую еще с пушкинских времен зовут здесь Парнасом.

Если бы у камеры, которой я сделал этот снимок 14 августа 1973 года, был широкоугольный объектив, вы имели бы возможность видеть не только знаменитого писателя у памятной стелы со стихами из «Русалки», но и ампиный особняк, белеющий сквозь деревья, и уютную поляну, где в дни рождения Александра Сергеевича звучат его строки, и сельскую церковь на берегу речки Тьмы...

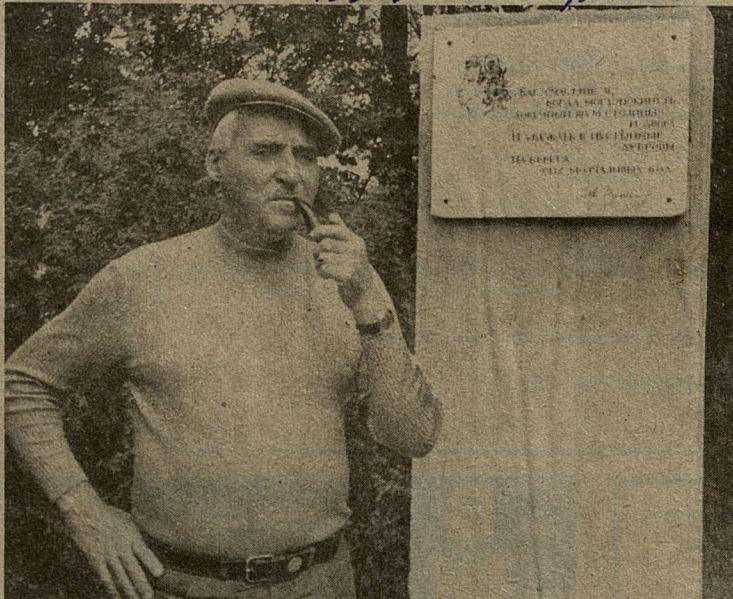
Но у меня в руках был старенький «Зоркий», одолженный в районной газете.

Однако хватит недомолвок. Пора уже разъяснить, как и почему оказался Константин Симонов двадцать лет назад вдали от столицы и других культурных центров России, и что привело его в село Берново Старицкого уезда Тверской губернии, ежели придерживаться терминологии и административного деления той поры, когда места эти навещал Александр Сергеевич Пушкин.

Да, вот именно это и привело — желание проехать пушкинскими дорогами Верхневолжья, поглядеть на уединенные уголки русской природы, кои так любил поэт, где гостил не одиножды, но только воспряывая на балах с местными красавицами («Хоть я грустно очарован вашей девственной красотой, Хоть вампиром именован я в губернии Тверской...»), но и сочиняя усердно и обильно. Ведь не где-нибудь, а здесь, в Ста-

На Парнасе

Виз. Москва - 1994 - 3 марта - с. 5

рицкой этой глуши, родились многие строфы «Евгения Онегина», «Посвящение» к «Полтаве», «Роман в письмах», «Анчар», «Цветок», «Зимнее утро», сцены «Русалки»...

Соблазнил Симоновых на этот семейный вояж их добрый приятель, директор московского Музея А. С. Пушкина Александр Зиновьевич Крейн, щедро помогавший тверякам в возрождении заповедных мест. Я же, как местный пушкинист, был приставлен к этой небольшой команде в качестве сопровождающего. По такому случаю мне высоким начальством была предоставлена персональная черная «Волга». Но Константин Михайлович предложил пересесть в его, белую, дабы не устраивать длинных кортежей.

И вот прекрасным августовским утром взяли мы курс на Старицу. От сопровождения, увы, избавиться не удалось: «моя» обкомовская «Волга» и «газик» с загадочными номерами неназойливо следовали за нами. Симонов махнул рукой — коль уж так положено, то Бог с ними.

Ехали неторопливо. Поглядывали в окошки. Беседовали. Я рассказывал о местных достопримечательностях, Константин Михайлович — о только что подготовленной им юбилейной выставке Маяковского.

За очередным поворотом шоссе открылась Волга — одна из самых красивых в этих местах ее излучин — Иванищевская. У дороги — церковь с недавно окрашенными зелеными маковками. Дальше — сбегающие к реке избы. А на том берегу — уходящий к горизонту лес. И над всем этим — высокое голубое небо.

Симонов, первым вышедший из машины, говорил, не скрывая восторга, замешкавшейся жене: — Лариса, да выходи же! Ведь это — Волга! Нет, погоди, достань фотоаппарат, надо непременно сняться на память!

И тут выяснилось, что снимать, увы, нечем. В суматохе сборов камеру забыли положить в чемодан. Не подумал об этом и я, когда накануне собирал свою сумку. И Александр Зиновьевич тоже удрученно развел руками.

Я успокоил Симонова, огорченно пыхавшего трубкой; скоро будет Старица, там есть газета, знакомые ребята одолжат аппарат. Когда добрались до районного центра, кинулся на поиски, оказавшиеся успешными, и уже через полчаса снимал знаменитых путешественников на фоне монастыря.

— Вечные ваши должники, Алексей Степанович! — подшучивал Симонов, однако позировал не просто терпеливо, но даже охотно.

Потом были Малинники — любимый тверской «кабинет» Пушкина, бывшее имение его друга Алексея Вульфа. Здесь, в старом парке, дышалось особенно легко. Кто-то из нас, говоря об этом, вспомнил знаменитого пропагандиста здорового образа жизни профессора Саркисова-Серазини. Симонов, услышав эту фамилию, вдруг предложил экспромтом сочинить стихи с рифмой к Серазини. Мы стали канючить, говоря, что рифмовать в местах, где писал Пушкин, довольно рискованное занятие.

— Не увливайтесь, господа! — подстегивал нас Константин Михайлович. — Сознайтесь, что вы просто трусите. Да? Ах нет! Тогда давайте, за работу. А для почина послушайте, как это делается.

Он подошел к улыбающейся дочери, положил ей руку на плечо и с выражением, как читают с эстрады, грасируя, продекламировал:

У девицы Серазини

Женихом был сэр Разина.

Каждый вечер у ворот

Он стоял, разинув рот.

Не помню теперь, что сочинили мы, но помню, что экспромт Симонова единодушно был признан лучшим.

В полдень приехали в Берново. Константина Михайловича привел в восторг здешний музей Пушкина, усадьба с зеркалом очаровательного прудика и липовой аллеей, прекрасный парк, в центре которого и возвышается та самая горка Парнас, с которой я начал эти заметки. По преданию, Александр Сергеевич, приезжая в имение Ивана Ивановича Вульфа, любил бродить тропинками тогда еще молодого парка, а потом, устав, отдыхал на скамье, что стояла на Парнасе под сенью златокорой сосны...

Разговаривая, перебарываясь шутками, поднялись на вершину холма и разом умолкли: дух захватило от представшей взору картины. Симонов достал из кармана погасшую трубку, неспеша раскурил ее, прищурился, глядя туда, за Тьму.

И тогда, тщательно наведя объектив, я щелкнул затвором старенького «Зоркого».

Алексей ПЬЯНОВ.